

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Волковой Наталии Алексеевны
«Практический поворот в социологии конца XX – начала XXI века:
материальная культура и социоматериальный эксперимент»,
представленную на соискание ученой степени кандидата социологических
наук по специальности 5.4.1. Теория, методология и история социологии.

Спор Поппера и Адорно о методе социальных наук, известный как «диспут о позитивизме», обнажил проблему, которая до сих пор не получила общепринятого решения: обладает ли социология собственным, отличным от естественнонаучного, экспериментальным методом, или же она обречена оставаться дисциплиной культуры и мнения, а не экспериментального опыта. Исследования науки и техники (STS), и в особенности акторно-сетевая теория (ANT), предложили не столько прямой ответ Попперу, сколько альтернативную модель самого понятия эксперимента — модель, в которой публичная демонстрация и устойчивость описания замещают проверку каузальных гипотез на истинность. Диссертация Н.А. Волковой обращена именно к этой, до сих пор не эксплицированной последовательно в отечественной литературе, стороне ANT: автор реконструирует то, что называет социоматериальным экспериментом (СМЭ), как имплицитный, но систематический метод, скрепляющий разнородный корпус исследований материальности.

Актуальность предпринятой реконструкции для меня несомненна. При работе с перформативной концепцией науки и парадоксами принципа рефлексивности в STS приходится иметь дело с той же трудностью:

сообщество, которое настаивает на эмпирическом и практическом характере знания, не способно систематически разъяснить, в чем именно состоит его собственный метод и какой ценой достигается его научность. Показательно и то, что сам вопрос об экспериментальном методе социальных наук неотделим от спора о позитивизме и от вопроса о соотношении дескриптивного и нормативного в философии и социологии науки. Работа Н.А. Волковой заполняет существенную лакуну в этом поле, предлагая историко-теоретическую реконструкцию понятия эксперимента в ANT — от кантовской камеры-обскуры и фотоаппарата Бенямина к «черному ящику» Латура — и дополняя ее содержательным эмпирическим анализом на материале постсоциалистической (прежде всего, российской) городской и правовой практики.

Наиболее значимыми результатами диссертационного исследования являются следующие положения.

Во-первых, диссертант убедительно показывает, что «черный ящик» ANT принципиально отличается от одноименного понятия естественных наук: он не закрытый контейнер, содержимое которого остается вне рассмотрения, а движущийся объект-актор, чьи границы — этические и эстетические — сами становятся предметом эксперимента. Это наблюдение позволяет уточнить давно обсуждаемую в STS метафору «открытия черного ящика науки» и придать ей операциональный смысл.

Во-вторых, автор реконструирует генеалогию концепта «черного ящика», связывая описание фотокамеры у Канта, Бенямина и Бурдьё с последующей его трансформацией у Латура и его последователей. Работа обосновывает при этом малоизвестную в отечественном STS-дискурсе рецепцию идей Бенямина (аллегория, аллегорический объект) в текстах Дж. Лю и его коллег — линию, которую последовательно развивает С. Лэш и которая ранее не описывалась в русскоязычной литературе.

В-третьих, диссертация предлагает различие двух типов границ метода материальной семиотики — этических (нормативных, социальных) и эстетических (материальных) — и показывает, каким образом СМЭ прекращает работать в двух предельных случаях: полной замкнутости «черного ящика» и полной этической индифферентности. Этот результат позволяет содержательно связать теоретическую (сетевую) и перформативную версии материальной семиотики как две крайние формы одного метода — различие, которое перекликается с оппозицией «репрезентационной» и «перформативной» идиом науки у Пикеринга.

В-четвертых, эмпирическая часть работы, посвященная переносу правового зонирования, «элементарной классики» фундаментальной социологии и формированию канона городских исследований в постсоциалистической России и Казахстане, показывает не иллюстративную, а конститутивную функцию эмпирического материала. Именно на пересечении неустойчивых этической и эстетической «сборок» техник, как показывает автор, возникает устойчивая форма — канон, — которая и делает видимыми материальные границы рациональности культуры.

В-пятых, диссертант формулирует практически ориентированную «экспресс-форму» СМЭ, что переводит теоретическую реконструкцию в план применимого инструмента анализа мобильности регуляторных техник — результат, значимый не только для академической, но и для прикладной (в том числе коммерческой) социологии.

Личный вклад диссертанта заключается в самостоятельной разработке концепта социоматериального эксперимента как объединяющей рамки для разнородных версий ANT/STS, в проведении историко-теоретической реконструкции трех кейсов генеалогии понятия «черного ящика», в сборе и анализе эмпирического материала по практике городского планирования и правового регулирования в России и Казахстане, а также в апробации результатов в преподавании, публикациях и научных докладах.

Достоверность и обоснованность полученных результатов не вызывает сомнений: они опираются на широкий круг первоисточников ANT/STS (Латур, Ло, Мол, Каллон, Стенгерс, Харауэй, Линч, Лэш), значительная часть которых впервые вводится в отечественный научный оборот, а также на многолетний эмпирический материал, собранный автором в ходе профессиональной деятельности в сфере городского планирования в России и Казахстане в 2014–2024 гг.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Во введении убедительно обосновывается актуальность темы через обращение к спору Поппера и Адорно, определяются объект, предмет, цель и семь задач исследования, формулируется научная новизна по четырем основаниям (историографическая, теоретическая, методическая, практическая), а также излагаются пять положений, выносимых на защиту.

В первой главе («Социальный эксперимент: объект») на материале трех историко-теоретических кейсов — камеры-обскуры и фотоаппарата Бенямина, траекторий «черного ящика» у Лэша и явных/скрытых репрезентаций у Ло — реконструируется теоретическое ядро метода СМЭ и его отличия от естественнонаучного эксперимента.

Во второй главе («Материальное измерение эксперимента») метод применяется к трем эмпирическим кейсам постсоциалистической культуры: реформе правового зонирования и землепользования, рецепции «элементарной классики» фундаментальной социологии в преподавательских практиках и формированию канона городских исследований, — а также представлен экспресс-анализ казахстанского случая.

В заключении подводятся итоги по каждой из семи поставленных задач, формулируются пять обобщающих выводов, а также обозначаются перспективы дальнейшего исследования.

Библиография отражает значительный корпус англо- и русскоязычных источников по ANT/STS, что само по себе является самостоятельным вкладом работы в отечественную историографию исследований науки и техники.

Отмечу, что теоретические положения диссертации разработаны тщательно и оригинально, а избранный автором способ изложения — через последовательность кейсов и их генеалогию — соответствует самому предмету исследования. Вместе с тем ряд моментов работы носит дискуссионный характер и требует, на мой взгляд, дополнительного прояснения.

Оценивая в целом положительно исследование Н.А. Волковой, необходимо указать на следующие моменты, носящие дискуссионный характер.

Во-первых, работа фактически предъявляет к самой себе то требование, которое STS традиционно предъявляет к науке: показать метод как эмпирически прослеживаемую, а не постулируемую конструкцию. Однако сам метод СМЭ вводится во Введении скорее декларативно — как результат обобщения разнородных практик ANT/STS, — и лишь затем иллюстрируется кейсами. Требование занять внешнюю позицию по отношению к собственному объясняющему методу оказывается невыполнимым «при постулируемых условиях его выполнения»: режим непосредственного описания и режим объяснения исключают друг друга, а внешняя позиция, которую пытаются занять «внутренние критики» сообщества (Латур, Мол и Ло, Коллинз), на деле оказывается позицией философии, а не эмпирической социологии. Было бы существенно уточнить, в какой мере реконструкция СМЭ выдерживает то же требование рефлексивности, которое сама же ANT предъявляет к любому объясняющему методу: применим ли аппарат «этических» и «эстетических» границ к описанию метода собственной диссертации, и если нет, то на каком основании это допустимо.

Во-вторых, различие этических (нормативных) и эстетических (материальных) границ, на котором построена вся конструкция работы, нуждается в более строгой концептуализации по отношению к устоявшимся в STS оппозициям — например, различению человеческих и нечеловеческих акторов у Латура, эпистемической и нормативной составляющей знания или дискурсивного и материального у Фуко и позднего Ло. Не всегда ясно, вводит ли автор диссертации новую содержательную дихотомию (этическое/эстетическое) или переописывает уже существующие в другой терминологии оппозиции того же типа.

В-третьих, тезис о том, что реконструкция СМЭ представляет собой «ответ» ANT на критику Поппера, заявлен во Введении как содержательный результат, однако в тексте диссертации этот тезис прослеживается пунктирно и не развернут в отдельный сопоставительный анализ. Было бы полезно увидеть, в чем конкретно предложенная Н.А. Волковой модель эксперимента отличается от уже известных ответов STS на попперовскую критику (в частности, латуровского тезиса о гибридности природы и общества) и почему для этого ответа необходимо именно понятие эксперимента, а не, скажем, понятие практики или перформативности, также широко обсуждаемое в ANT (Пикеринг, Каллон, Маккензи).

В-четвертых, связь между перформативной версией материальной семиотики, о которой говорится в выводах к Главе 1, и концепцией перформативности, развитой в работах Каллона, обозначена, но не тематизирована как самостоятельный сюжет. Между тем именно это направление позволило бы яснее показать, чем предлагаемое автором понятие эксперимента отличается от этой уже разработанной в STS альтернативы.

В-пятых, эмпирические кейсы второй главы (правовое зонирование, «элементарная классика», канон городских исследований) представлены содержательно и убедительно, однако вопрос об их сопоставимости и

репрезентативности по отношению к постсоциалистической культуре в целом заслуживал бы отдельного методологического комментария: в какой мере три кейса образуют «минимальную серию», достаточную для выводов о границах рациональности культуры, заявленных в положениях, выносимых на защиту.

В-шестых, само заглавие диссертации — «материальная культура и социоматериальный эксперимент» — ставит вопрос об онтологическом статусе техники, который в современных STS принято обсуждать как проблему онтологического поворота: техника мыслится не просто как инструмент описания, а как посредник между онтологией и эпистемологией, снимающий оппозицию факта и смысла. В диссертации этот онтологический пласт проблемы (в чем состоит специфически материальный, а не только описательный характер границ «черного ящика») обозначен, но не развернут в отдельный раздел; было бы полезно уточнить, претендует ли автор на онтологический тезис о материальности культуры или ограничивается методологическим (дескриптивным) уровнем анализа.

Высказанные замечания не снижают научной ценности, теоретической и практической значимости диссертационного исследования и не влияют на общую положительную оценку работы. Проведенный анализ показывает, что диссертация Н.А. Волковой является самостоятельным, завершенным научно-квалификационным исследованием, обладающим научной новизной и практической значимостью, в котором решены все поставленные задачи.

Вывод: Диссертация Волковой Наталии Алексеевны «Практический поворот в социологии конца XX – начала XXI века: материальная культура и социоматериальный эксперимент» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития социологической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013

года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025), а Волкова Наталия Алексеевна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата социологических наук по специальности 5.4.1. Теория, методология и история социологии.

Член диссертационного совета РАНХиГС,
Доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник
Сектора социальной эпистемологии,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт философии
Российской академии наук (ИФ РАН)

О.Е. Столярова

«06» июля 2026г.

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
тел. +7(916)9736809, olgastoliarova@mail.ru, iph@iphras.ru

Подпись Столяровой О.Е.
ЗАКЛАДЫВАЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН Е.Кравец